

Глава 2

НЕРЧИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ныне, по открытии Петровою рукою во многие моря пристаней, по введении знания в мореплавании <...>, ход российских военных и купеческих судов знатно прирастает, который со временем не токмо другим морским державам сравнится, но и превзойти может.

Ломоносов М.В. 1952: 422.

2.1. Особое отношение к коренным народам Сибири

Межкультурные и межэтнические контакты всегда были актуальны для России, которая столетиями образовывалась из большого числа этносов, отличающихся уровнем социально-экономического развития, способом жизнедеятельности и менталитетом. Такое культурное многообразие зачастую сопровождалось сложными, а нередко и конфликтными отношениями.

Одним из первых исследователей геополитических проблем, вопросов межэтнического и межкультурного взаимодействия в Забайкалье в XVIII в. по праву считается Г.Ф. Миллер, который работал в составе второй Камчатской экспедиции [Элерт 1996; Беспалько 2008: 68–76]. Миллер собрал сравнительные материалы о сибирских народах в 1734–1735 гг. в Нерчинском, Иркутском, Якутском и других уездах. В своих трудах он подчеркивал, что всегда и везде относился к местным народам с лаской и в ответ на это аборигены ничего не скрывали от него [Миллер 2009: 18, 33, 65].

В результате Миллеру удалось собрать колоссальный по научной значимости объем материала о межэтнических контактах тунгусов Нерчинского уезда на основе анализа их духовной культуры, причесок, одежды, форм хозяйства, браков, торговли с Китаем, об отношениях русских с Джунгарским ханством и «Казачьей ордой» [Там же: 114, 118, 126–127, 141, 154, 157, 159, 208].

В Забайкалье члены Нерчинской экспедиции тесно контактировали с некоторыми сибирскими этносами: с коренными охотничьими, оседлыми и кочевыми народами. Эвенки, буряты, татары отличались друг от друга особенностями хозяйственного уклада, аспектами материальной культуры и конфессиональной принадлежностью, степенью развития гражданских институтов. Если эвенки еще сохранили некоторые компоненты общинного строя, то тюркоязычные народы прежде входили в сложную структуру кочевых империй, имели четкое представление о классовом расслоении. Татары отличались особой консолидацией общества, связанной с религиозными установками.

На упоминавшемся Годуновском чертеже изображена огромная территория, включающая Поволжье, Сибирь и Дальний Восток, с острогами, крепостями, реками Обь, Енисей, Лена, Оленек, Колыма, Амур [Постников 2012: 21]. Для чертежа использованы данные русских первопроходцев и коренных сибирских народов. Очень важно, что в чертеже упоминаются иностранные государства: Индия и Китай, тем более что на протяжении нескольких веков продолжалась острая конфронтация Российского государства и Цинской империи. На чертеже хорошо изображен Амур с основными притоками Аргунь, Сунгари и Уссури. На правом берегу Амура ниже Аргуни изображен Албазинский острог, указаны также территории различных этносов: мунгалов, калмыков, бухарцев и др.

А.В. Постников выделил два основных направления внешней политики России в Восточной Азии в XVIII в.: экспанционистское и консервативное [Там же]. Представители первого — Л. Ланг, Г.Ф. Миллер, сибирский губернатор и куратор Нерчинской экспедиции В.А. Мятлев, селенгинский комендант В.В. Якоби. Представители второго — граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (1668–1738), которому принадлежит огромная роль в пограничных Кяхтинских переговорах с Цинским Китаем, в формулировании статуса-кво в пограничной политике, А.И. Остерман (1686–1747),

руководивший Иностранной коллегией во времена правления Анны Иоанновны, канцлер Н.И. Панин (1718–1783), возглавлявший внешнюю политику России при Екатерине II, сама императрица Екатерина II (1729–1796). Несмотря на противоречия в их концепциях, на потерю Приамурья в XVII в., Россия продолжала проявлять интерес к Сибири, Восточной Азии и к Китаю.

Российские власти требовали особого отношения со стороны Нерчинской экспедиции к коренным народам Сибири. Губернатор В.А. Мятлев, курировавший Нерчинскую экспедицию, просил в феврале 1755 г. прислать ему инструкции, которые давались офицерам Камчатской экспедиции о том, как правильно обращаться с коренными народами [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. Л. 395–398 об.]. В различных документах Камчатской экспедиции, которые Мятлев получил в 1753–1754 гг., в самом начале работы Нерчинской экспедиции, имелась лишь информация о походах морских офицеров, *«посылаемых в неизвестные места и народы»*, указы и инструкции Адмиралтейской коллегии, журналы, описания, карты. В выписках имелись сведения о том, сколько офицерами *«тамошних мест и водяных проходов описано»*. Но не было инструкции о том, как офицерам Камчатской экспедиции *«по отысканию неизвестных мест и к склонению приведением в подданство Е.И.В. живущих по островам народов»* действовать конкретно.

Поэтому В. Мятлев просил прислать ему точные инструкции:

«Понеже в том для секретно порученной ему комиссии вящая и прекрайне нужна немалая надобность обстоит, чтоб за непрерывкою оною в надлежащем по той комиссии исполнении оставки им паче чаяния в чем и упущения последовать не могло».

В соответствии с его просьбой Адмиралтейской коллегией было определено выписать из указа Правительствующего Сената имеющиеся подобные инструкции бывшей Камчатской экспедиции и выслать ему немедленно. Было подчеркнуто, что в указе Е.И.В. из Правительствующего Сената от 28 декабря 1753 г. о возобновлении Камчатской экспедиции уже указывалось, что Мятлев должен производить *«изыскания чрез оную неизвестных мест и народов и в склонении оных под высочайшую Е.И.В. власть и в подданство производить со всевозможным прилежанием и старанием, к лутчей высоких Е.И.В. интересов пользе».*

В инструкциях, рапортах, доношениях и промемориях упоминалось о том, чтобы руководство и члены Нерчинской секретной экспедиции доброжелательно относились в Сибири к местным коренным народам [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 206-208; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485а. Л. 605 — 608 об.]. Особый пункт касался обитавших на р. Шилка, Ингода, Хилок, Аргунь по обоим берегам Амура народов, «*ясашных и иноверцев*», в том числе и не входящих в российское государство. Эти народы категорически запрещалось обижать, а наоборот, желательно было задаривать их подарками, например, корольками, выделявшимися Иркутской канцелярией. Следовало осторожно собирать о них разнообразные сведения: где живут, кто ими управляет. Этим же народам следовало не раскрывать истинную цель секретной миссии. Другими словами, Ф. Соймонов должен был лаской и дружелюбием сделать из этих народов союзников российской империи. Если же кто-то из членов экспедиции нарушит этот пункт инструкции, то на виновника будет наложен «*жесточайший штраф*» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 248, 373].

В начале 1750-х годов нерчинские и селенгинские тунгусы и буряты из-за очень холодной и снежной зимы потеряли огромное количество своего скота. Нерчинский воевода обратился в вышестоящие инстанции с просьбой о снижении ясака для коренных народов региона. В связи с этим российские власти решили уменьшить собираемый с них налог и брать с них не по пять и даже не по три соболя, а всего по одному по цене два рубля за шкурку [Там же. Л. 609, 611, 626–627]. За неимением соболей разрешалось платить ясак шкурками других зверей, но по цене соболя.

В последующей инструкции Мятлева для Ф. Соймонова как непосредственного руководителя Нерчинской экспедиции говорилось о том, чтобы к местным народам относиться с лаской [Там же. Л. 372 об. — 373 об.]. Речь шла не только о российских подданных, но и о народах соседних государств. Мятлев предупреждал Соймонова, чтобы тот очень осторожно обходился с ними при описании места впадения р. Шилки и Аргуни и начала собственно Амура:

«Иметь вам великую предосторожность от тамошних народов, которые не под область российской империи находятся».

Обязательно нужно дружелюбием и подарками постараться расположить их к российской стороне.

На вопросы о цели пребывания экспедиции в Забайкалье нужно обязательно упомянуть о том, что имеется указ Е.И.В. о необходимости описания возможности прохода судов по р. Шилке и Аргуни. Можно сказать этим народам о том, что и их «владельцы» также разрешили эти изыскания, либо сказать, что к этим «владельцам» направлен запрос и имеется большая надежда на их согласие. Ради уважения к соседней державе, к Е.И.В., они не будут противодействовать русским первопроходцам.

Если Соймонов будет посылать кого-либо из своей команды для исполнения задач экспедиции, то он должен обязательно проинструктировать курьеров, чтобы они к местным народам относились ласково, а если они это правильно нарушат, то будут наказаны.

Ни в коем случае нельзя говорить об истинной цели изысканий Нерчинской экспедиции — о поиске фарватера Амура и водного пути до его устья. Соймонов и члены его команды должны были *«секретно <...> разведовать чрез тамошних обывателей <...> о положении и фарватере Амур реки так и о народах»*. Информацию нужно было собирать о народах, населяющих оба берега Амура, об их численности, подданстве, особенно важно было узнать, являются ли они китайскими подданными. В зависимости от этой информации делать опись Амура и строить суда.

В своем доносе в Адмиралтейскую коллегию на Ф. Соймонова М. Татаринов затрагивал важный вопрос о взаимоотношениях славянских переселенцев с местными сибирскими народами, в частности с бурятами, о негативном влиянии на этот процесс руководителя Нерчинской секретной экспедиции Ф. Соймонова, допустившего соляной дефицит в Нерчинском уезде [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 522. Л. 7–7 об.].

Татаринов писал, что Ф. Соймонов в 1756 году *«в бытность здесь в Нерчинске»* нанес ущерб интересу Е.И.В., *«а народу крайнее разорение»*, так как *«упустил время взятыя соли из соленого озера, а после во тое лето соль на озере более не села»*. От нехватки соли, по словам Татаринова, не только в городе Нерчинске, но и во всем уезде разразилась *«сильная горячка, в которой множество народу и померло, а перевозкою из Селенгинска в Нерчинск соли брацким татарам последовало многое разорение»*.

Ф. Соймонов терпеливо объяснил, что о проблемах недостатка соли в Нерчинске и уезде еще до Татаринова написал ложный донос

казак Буторин. Однако эти проблемы начались еще в 1751 г., т.е. задолго до приезда Ф. Соймонова в Нерчинск, о чем было послано сообщение в Главную соляную контору от здешнего «соляного комиссарства».

Далее Ф. Соймонов достаточно иронично писал:

«Татаринов принял на себя должность медицинскую, что пишет яко о недостатке соли. Последовала заразительная болезнь горячка, и от того, якобы, много людей померло, то может быть в том, ежели он то искусство знает».

Между тем врач Нерчинской секретной экспедиции З. Рик не связывал эпидемию горячки с нехваткой соли. Более того, от этой болезни умирали все люди, в том числе и имеющие запасы соли.

В майской 1758 г. инструкции Ф. Соймонова для его сына Михаила в отношении развития земледелия в Нерчинском уезде, в частности, говорилось и об особом отношении к коренным народам Забайкалья [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 16–16 а об.]. В частных письмах запрещалось распространяться об истинных целях задания *«кроме настоящих ревизий, под жестоким истязанием»*. На всем пути передвижения из Тобольска в Нерчинск и обратно, а также в самом уезде *«обывателям русским и иноземцам обид никаких отнюдь не чинить, и жителей до того не допускать, под опасением суда»*. В местах ночлегов предписывалось соблюдать противопожарную безопасность, *«а в которых местах имеется соболинный лов и прочий звериный промысел, и тут огней под смертной казнью не класть»*.

Геодезист Василий Воинов исследовал осенью 1760 г. демографические и колонизационные аспекты и возможности населения р. Хилок [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 220–239]. В Селенгинске Воинов пользовался материалами ведомостей о местных землях и пригодности их к земледелию, изучал количество населения в городах, острогах и слободах, его социальный состав (разночинцы, посадские, крестьяне). Особое указание он получил от Соймонова по отношению к *«ясаиным иноверцам»*, т.е. к коренному сибирскому населению, чтобы ему *«не было никакого утеснения и спору с их кочевыми и промысловыми владениями»*. Таким образом, к исследованию населения на р. Хилок Воинов приступил, уже обладая определенным опытом сбора информации.

Кроме географических, гидрографических и геодезических измерений (глубина реки, скорость течения воды, расстояние от фарватера до берегов, количество и характер мелей, произрастающий по берегам лес), Воинов собрал большой объем материала этнографо-демографического характера. На основе зафиксированных им «скасок» местного населения можно составить интересную картину процесса заселения российским населением сибирских и забайкальских р. Хилок, Чикой, Верхний Амур и других.

Одна из «скасок», записанных Воиновым, выглядит так:

«На левой стороне Хилка, по речке Далбахе, в однодворке, 1760 году ноября 3 дня Нерчинской ясашной новокрещеный Иван Мисаилов сею скаскою показал. Имел я в иноверчестве стойбища с юртами по рекам Селенге и Уде. А крещеную веру воспринял с 1746 года, а домом поселился на Хилке реке с 1752 году без указа и без всякого дозволения, ясак плачу обще с брацкими хоринцами Тацанского (?) рода по три рубля в год, в том сею скаскою объявляю. На подлинном написано тако: с сей скаске просьбою Ивана Мисаилова селенгинский казак Петр Татаринов руку приложил».

Интересны высказывания некоторых опрошенных: «*зашел в Сибирь*» в таком то году, «*пришел за Байкал море в малых летах*». Т.е. их появление на берегах Хилка произошло в результате стихийного переселения из западных регионов России.

Воинов опросил 75 человек и собрал у них данные о том, когда и по чьему указу они поселились на р. Хилок или на его притоках (Далбахе, Балеге и др.), в конкретных населенных пунктах, каково их социальное положение, хозяйство, этническая принадлежность, вероисповедание, какой налог платят государству и т.п. Практически все опрошенные были неграмотными, так как за них на их «скасках» расписывались казаки.

В основном эти люди (крестьяне, отставные солдаты, разночинцы) поселились на р. Хилок самовольно с 1710-х по 1760 гг., прибыв сюда из поселений на соседних реках (Бичура, Ингода, Чикой, Олентуй), из различных городов и острогов (Архангельск, Барнаул, Енисейск, Илимский, Иркутск, Красноярск, Нарым, Нерчинск, Нижний, Селенгинск, Соликамск, Сретинск, Тобольск, Томск, Тюмень, Удинский, Устюг, Читинский, Яринск). Иван Козин переселился в Забайкалье даже из Москвы:

«Города Москвы Покровской слободы оброчный крестьянин, зашел в Сибирь в 1721 году, по ревизии определен по Селенгинску в подушный оклад, жил в Сибири, домом поселился в Бунской деревне в 1757 году самовольно».

Некоторые поселились по указам Нерчинской и Селенгинской воеводских канцелярий, по указанию Кяхтинской таможни, различных приказных изб, Селенгинского Троицкого монастыря. Анализ дарственной на пашню и сенные покосы Селенгинского Троицкого монастыря показывает, что земля в верховьях р. Хилок была дана монастырю еще по указу Петра Великого [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 240 — 241 об.]. На эту землю было велено принимать и селить любого из ссыльных и из гулящих людей, *«кто похочет»*.

Несколько новокрещеных прежде кочевали по рекам Уда, Селенга. Затем они стали оседлыми и платили ясак наравне с хоринскими бурятами: по три рубля в год. Некоторые посадские платили с *«дворовой усадьбы и со скотского выпаса»* 25 копеек в год, крестьяне — десятину, оброчный провиант 45 пудов в год и другие виды налогов.

Таблица 12

Список опрошенных геодезистом Воиновым и их статус

<i>Итанцинские разночинцы</i>	<i>П. Давыдов, И. Бельшев</i>
<i>Итанцинские ясачные</i>	<i>И. Таюрский, Я. Мерянов, С. Черноярлов, С. Незегаев</i>
<i>Кабанские посадские</i>	<i>Г. Шеропов, У. Истомин</i>
<i>Кяхтинские цеховые</i>	<i>И. Мальцов, С. Рагозин, А. Летоволцов, В. Паломошной, М. Амосов, М. Овдин, И. Истомин, М. Крупенников, М. Изосимин, Д. Пельмский, В. Кузнецов, Ф. Усов, С. Попов, Л. Осолоков, И. Разницын, Д. Зоркальцов, Е. Зоркальцов, А. Варенцов, С. Свешников, А. Серявин, М. Жеребцов, И. Собенников, А. Иванов, Д. Басов, А. Солоницын, В. Ковалев, В. Протасов, В. Черняев, М. Бакишин, П. Рохин</i>
<i>Кяхтинские посадские</i>	<i>Я. Катаев, К. Белозеров</i>
<i>Нерчинские разночинцы</i>	<i>К. Малков, В. Басов</i>

Окончание таблицы 12

<i>Нерчинские ясачные</i>	<i>И. Мисаилов, С. Мисаилов, Ф. Мисаилов, И. Киргин, С. Попов</i>
<i>Оброчные крестьяне</i>	<i>В. Кубенин, Н. Кубенин, С. Кандабаев, П. Родионов, И. Пелепягин, С. Пальцов, А. Баженов, К. Баженов, В. Баженов</i>
<i>Отсыпные крестьяне</i>	<i>П. Лаврентьев, Л. Басов</i>
<i>Отставные солдаты</i>	<i>Белозерского полка пятой роты М. Климов, Якутского полка К. Турушев</i>
<i>Селенгинские посадские</i>	<i>А. Комаров, С. Туояников, Г. Гусельников, С. Тютрин, М. Шандуров, А. Шайдуров, М. Шайдуров, Л. Метелкин</i>
<i>Селенгинские разночинцы</i>	<i>Ф. Мясников, В. Казанцов, И. Пнев, И. Мордашев, С. Зайков, З. Разницын, И. Козин, И. Чижииков</i>
<i>Селенгинские цеховые</i>	<i>М. Белоплотов, А. Халтуринский</i>
<i>Селенгские ясачные</i>	<i>С. Казанцов, Д. Куклин, И. Желатьев, М. Баншиков, Л. Бухолцов, И. Кузыкнн, Г. Петелин</i>
<i>Удинские посадские</i>	<i>К. Онохов, М. Онохов, С. Онохов</i>
<i>Бывший в Барнауле Кяхтинской Воскресенской церкви богаделщик</i>	<i>П. Пенков</i>
<i>Бывший китаец, новокрещеный</i>	<i>И. Номоконов</i>
<i>Иркуцкий посадский, домом поселился по Хилку реке в деревне Бунской в 1754 году самовольно, для содержания пивного откупу, по указу 1751 года Селенгинской ратуши</i>	<i>А. Игнатьев</i>
<i>Монастырские крестьяне Селенгинского Троицкого монастыря</i>	<i>Ф. Пономарев, Е. Сожонов, С. Мартынов, И. Коуров, В. Плюснин, Ф. Синицин</i>
<i>Селенгинский казак</i>	<i>И. Федосеев</i>

Таким образом, Воинов определил, что без указа поселились на р. Хилок ясачные: селенгинские пятеро, нерчинские пятеро, иркутский один. Всего одиннадцать. Посадские: селенгинские шестеро, кяхтинские двое, иркутский один, удинские двое, кабанский один. Всего двенадцать. Цеховые: кяхтинские двадцать семь, селенгинские трое. Всего тридцать. Подушные плательщики цеховые разночинцы: нерчинские трое, селенгинские восемь, итанцинский один. Всего двенадцать. Бывшие Кяхтинской церкви: богадецкий один. Бывший китаец один, оставной солдат один. Селенгинские посадские двое. Итанцинский один, удинский посадский один, посадский сын один, казак один. Селенгинские отсыпщики пятеро, итанцинские ясачные четверо, кяхтинский цеховой один.

Воинов насчитал ясачных одиннадцать, посадских двенадцать, цеховых тридцать, разночинцев двенадцать, остальные — отставные солдаты, монастырские и т.п. Всего 75 чел.

Воинов переписывал людей на реках (Далбаха, Нарин Горой, Нарин Шибира, Олентуй, Малета, Сохотон, Зардама, Бичура, Марина (?), Маргантуй) в деревнях (Катангарская, Сохотонская, Зардаминская, Пещанская, Усколуцкая, Бунская, Красная, Куналейская, Еланская, Цыбилдунская, Хонзосунская (?)).

По окончании похода Воинов составил подробную опись, журнал, карту и все эти материалы отправил с Карповым губернатору Ф.И. Соймонову. Главный вывод этого исследования заключался в том, что по р. Хилок можно переправлять государственные грузы на небольших плоскодонных судах (грузоподъемностью от 3 до 16 т), которые необходимо тянуть бечевой.

В 1770-х годах различные населенные пункты на р. Хилок наблюдал выдающийся российский естествоиспытатель Петр Симон Паллас (1741–1811), участник академических экспедиций, руководитель Оренбургской экспедиции (1768–1774), проводившей исследования в центральных губерниях России, Поволжье, Прикаспийской низменности, на Урале, в Западной Сибири, на Алтае, Байкале и в Забайкалье [Паллас 1788: 218–223]. В начале 1770-х годов П. Паллас проезжал по Хилку и сделал описание деревень: Хилоцкая или Харитонова, Паркина, Баленгинская, Катангарская, Диптуйская, Кукунская, Кайдабаевская, Нарын-Шибир или Катаевская, Белоплотовская, Малстинская, Сохотпевская, Сардалмская, Пещанская, Уксулуцкая, Хоплорская, Буйская, Красноярская слобода, Бичурская, Еланская, Мангиртуйская, Сибилдуйская и Хаба-

ровская. Таким образом, некоторые из описанных геодезистом Воиновым населенных пунктов сохранились и позже.

Собранная геодезистом Воиновым информация о живущих по Хилку и Ингоде людях, о том, давно ли они там поселились и по чьему указу, имела и немаловажное международное значение. Об этом можно судить по данным Воинова о братских хоринцах, которые по Хилку издавна имели свои стойбища. Если бы последовала резолюция Сената о заселении р. Хилок, то Соймонову, Якоби, Бегунову нужно было бы срочно решать, что делать с братскими: разрешить им жить среди славянских переселенцев или указать им новые места для кочевок.

Старейшины некоторых хоринских родов письменно объявили, что они кочуют по Хилку по своей воле и никаких владетельных указов не имеют. Однако если по Хилку будут расселяться русские люди, то от них кочующим братским никакого утеснения не будет. Ибо они могут и в других местах и урочищах кочевать, например по р. Онону и при р. Иле (?), Аге, Туре, Уленгую (?), Кыре (?), Окше (?) и при многих ключах.

Однако у бригадира Якоби на этот счет было свое категоричное мнение: когда начнется переселение на Хилок, *«оттуда брацких всех свесть надо, чтобы и русским и от русских никаких обид не было»*. Новые кочевья нужно выделить в 30–50 верстах от Хилка *«или где их роды стойбища имеют»* [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. Л. 218 об. — 219 об.].

В январе 1761 г. В. Якоби отвечал на вопросы сибирского губернатора Ф. Соймонова относительно перевода жителей р. Хилок в ведомство Нерчинской секретной экспедиции, заданные ему еще в августе 1760 г. [Там же].

Соймонов планировал всех жителей по р. Хилок перевести в ведомство секретной экспедиции, чтобы использовать их для перевозки провианта и других грузов в Нерчинск для пограничной линии и для Аргунского завода. Однако Якоби из соображений секретности не считал возможным их перевод в ведомство Нерчинской секретной экспедиции для того, *«чтобы по разглашению в рассуждении и о заграничной стороне какого противного толкования не было»*. Кроме того, если этих людей заставить заниматься делами экспедиции, то они перестанут пахать землю, а здесь земледельцев и так мало. А переселенцы еще не скоро *«домами обзаведутся и сколько лет будут неимущими»*. В отношении желающих переселиться

на Хилок из Читинского ведомства, а также того, какие чины лучше переселять на Хилок и на Ингоду между селом Доронинским и Читинским острогом, у Якоби ответов пока не было.

С некоторыми категориями новокрещенных в Сибири в середине XVIII в. наблюдались большие проблемы, так как их сородичи, особенно татары, относились к ним крайне враждебно, о чем можно узнать из архивных документов Тобольской епархии [РГИА. Ф. 796. Оп. 34. Д. 356. Л. 1–2 об.; Оп. 35. Д. 114. Л. 1–3].

Так, в 1753 г. в Тобольской епархии разбирался очень сложный, запутанный вопрос о доносе или доношении священника Стефана Никитина из Аевской деревни. Он в ту деревню был отправлен от Тобольского митрополита Сильвестра для наставления новокрещенных к православию и обучению их молитве. С. Никитин написал о том, что когда он прибыл к тарским татарам, то увидел, что православных крестов они не носят, *«по своему <...> обычаю головы бреют, и аракчины¹ носят, а его преосвященство непристойными словами порицают и вместо креста показывают на тайный детородный свой уд»*. Однако татары категорически отрицали это обвинение, так как, по их мнению, этого попа они вообще в деревне Аевской не видели. Поэтому для разбора этого противоречивого и до конца так и не решенного дела послали в Тару из Тобольска премьер-майора Безпалова. В результате следствие по делу тарских татар было отменено, так как по высочайшим указам велено *«новокрещеным чинить всякое снисхождение и ничем их не озлоблять»*.

Однако не всегда межконфессиональные отношения и конфликты заканчивались так мирно. Например, митрополит Сильвестр писал в 1754 г. из Сибири о том, что татары самовольно построили две мечети в Тобольске на нижнем посаде между православными церквями десятоначальника церкви Святых праведника Захария и Елисаветы. В эти мечети привозят детей для традиционного ритуала обрезания, устраивают религиозные обряды с жертвоприношениями животных, чем очень недовольны православные священники.

Было решено построить для татар мечети в нескольких километрах от Тобольска в местах их традиционных кочевий, пашенных и сенокосных земель:

¹ Аракчин — традиционный ближневосточный и центрально-азиатский мужской головной убор в виде шапочки без полей и козырька или тубетейки. Поверх аракчина надевается чалма.

«Токмо притом Сибирской губернской канцелярии иметь крепкое смотрение, дабы они, магометане, христианам никаких соблазнов и непотребств отнюдь чинить не дерзали».

В результате, по указанию властей, мусульманские храмы были снесены:

«По представлению Сибирской губернской канцелярии, имевшиеся у живущих в городе Тобольске между русских и новокрещеных дворов и между святыми церквами в юртах татар, две их татарское мечети сломаны».

Впредь тобольским татарам в городе Тобольске *«в противность оных указов мечетей строить запрещено».*

Межконфессиональная проблема проявлялась так остро, что обсуждалась на самом высочайшем уровне [ПСЗР. Т. 14. 1830: 607–612]. По указу императрицы Елизаветы Петровны Правительствующий Сенат уведомил соответствующие органы Сибирской губернии об изменении прежних указов, по которым надлежало разобрать мечети, построенные в населенных пунктах, где живут русские и из *«иноверцов новокрещеные»*. Кроме того, запрещалось строение в таких местах мечетей впредь, *«дабы новокрещеным от магометан не было никаких соблазнов»*. Чтобы не было народного озлобления, разрешалось строить мечети в тех населенных пунктах, где татар не менее 200–300 чел. Больше число мечетей строить запрещалось и губернаторам вменялось строго следить за этим:

«Всем тем татарам <...> объявить указ с подписками, чтобы они как русских, так и новокрещеных, калмык, мордвы, черемис, чувашу и прочих <...> в свой магометанский закон ни под каким видом отнюдь не склоняли, <...> а ежели кто в том явится виновен, таким и по следствию и по розыску чинить, как прежние указы и губернаторская и воеводская инструкция повелевают, безо всякой пощады».

Предписывалось, что если же татары пожелают принять православную веру, то ни в коем случае препятствия им не чинить. В такой тяжелой межконфессиональной обстановке членам Нерчинской экспедиции приходилось проводить свои изыскания очень осторожно.

По-прежнему осложняли работу Нерчинской экспедиции бюрократические проволочки И. Вульфа. В ноябре 1760 г. Вульф написал подробный рапорт в Сенат, в котором пытался объяснить причины своего нежелания улучшать работу секретной экспедиции, в том числе и в международных вопросах [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 529–535 об.]. Еще при отправлении в Сибирь губернатора Мятлева в указе от 28 декабря 1753 г. Вульфу было приказано жить в Иркутске и помогать Мятлеву *«для порученной ему особой экспедиции <...> и наставления его исправлять секретно особой комиссией, не мешая с губернскими делами»*. Однако Ф. Соймонов неоднократно информировал Сенат о том, что Вульф, Иркутская и Нерчинская канцелярии *«непослушание оказывает и по их предложениям в нужных делах исполнения не делает, а по мнению Коллегии иностранных дел весьма нужно сей беспорядок поправить»*.

Не изменил своего отношения к делам Вульф и после того, как сибирским губернатором стал Ф. Соймонов и позже возглавил Тобольскую секретную и о заграничных обращениях комиссию. Зная чрезвычайный бюрократизм Вульфа, ему напрямую указывали заниматься конкретными делами, а не обильной перепиской с различными инстанциями. Но верный себе Вульф, даже оправдываясь перед Сенатом, по-прежнему пересказывал эти указания:

«Чтоб не только поддержал его, губернатора, как в той экспедиции главного командира, но и по представлениям бригадира В. Якобия, как обретающегося на самой границе командира во всех нужных делах, каковы есть пограничные и в принадлежащих к тому распоряжениям, как я, так и Нерчинская и Селенгинская воеводская канцелярии, неотложное вспоможение и исполнение чинили не переписками, но самим делом».

Притом, по его словам, не из-за боязни штрафа или наказания, а ради самого дела, ради отчины.

Например, Вульф оправдывался в том, что он не выделял жалованье для канцелярских служащих Нерчинской секретной экспедиции, следующим образом. Он писал, что еще в июле 1755 г. получил ордер от Мятлева, в котором было написано:

«За неполучением за учиненное Сенату с донесениями представления повелительных Е.И.В. указов, находящихся в Иркутске у ис-

правления по той секретной комиссии дел канцелярскими служителями дачею денежного жалования обождают, а когда на то указ воспоследует, то они удовольствованы быть имеют, а до того могут себя содержать получаемую за приказные труды акциденциею»¹.

По мнению Вульфа, задержки «заграничным делам» он не совершал, так как такой вины за ним не нашел даже известный своей жестокостью следователь Крылов, который арестовал Вульфа в Иркутске. Кроме того, в доказательство своей заботы в этой сфере Вульф приводил огромное количество различных распоряжений, отправленных им в Селенгинскую и Нерчинскую воеводские канцелярии.

Однако селенгинский комендант Якоби писал в Сенат о том, что действительно инструкций из Иркутской канцелярии присылается очень много, но они не решают конкретных проблем, а сам И. Вульф «*весьма медленное и не совсем послушное исполнение и до сего времени чинит*».

Якоби докладывал, например, о недодаче солдатам Якутского полка в месячный провиант двух с половиной фунтов муки. Или, что стало известно из письма мунгальских пограничных управителей, о том, что сто российских тунгусов перебежали чрез р. Онон в мунгальскую сторону и там учинили грабеж. Несколько человек «*тех де воров тунгусов*» удалось поймать. Якоби в рапорте нерчинскому дворянину Гантимурову, находившемуся при границе, приказал ему провести тщательное расследование, найти виновных, прислать их в Нерчинскую канцелярию и наказать, а награбленное добро вернуть хозяевам. Однако Гантимуров задержанных отпустил сначала в Городищенскую слободу, а потом и вовсе «*по домам*». Для вторичной их поимки бригадир Якоби вынужден был напрямую обратиться в Нерчинскую канцелярию и к находившемуся в Нерчинске капитану П. Бегунову. Иркутской канцелярии было указано на недопущение таких инцидентов в будущем, тем более с учетом важности возможных китайских претензий.

¹ Термин акциденция имеет несколько основных определений: в философии — случайность; дополнительный доход или особая плата (взятка), взимаемая чиновником с просителя [Новейший философский словарь 2003: 28].

Нерчинский воевода Губин, который должен был лично следить за этими проблемами и беспрекословно выполнять указания бригадира Якоби, Селенгинской гарнизонной и Правления пограничных дел канцелярий, также проявлял медлительность. Поэтому от Якоби были посланы указы в Селенгинскую и Нерчинскую воеводские канцелярии и капитану Бегунову. Последний должен был забрать под хранение у воеводы Губина *«домы, пожитки, деньги, скот, а воров отослать в Нерчинскую канцелярию под караулом казаков»*.

В январе и феврале 1758 г. в Сибирский приказ поступили соответствующие доношения коллежского асессора и Кяхтинской пограничной таможни директора Пятова и селенгинского коменданта В. Якоби, в которых затрагивались вопросы международной политики в Забайкалье [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. Л. 248 об. — 252 об.].

Пятов выступал с предложением об организации заставы на оз. Байкал с Селенгинской стороны при Посольском монастыре *«ради навивящей в воровстве предосторожности»*. На этой заставе планировалось под руководством опытного офицера осматривать проезжающих между Кяхтинским форпостом и Иркутском для торго купцов с товарами, *«на везомые в Кяхту класть казенные печати и присылать в Кяхтинскую таможню при репортах»*. Очень много товаров *«утайка от пошлины и воровски провозят за границу»*, поэтому и нужна застава при Байкале.

Кроме того, имелась проблема с перевозом людей и грузов через Байкал, ибо для этого существовал только один малый бот. Купцы вынуждены были переезжать на дощаниках, на которых безопасно можно плавать только по рекам, а не в случае великих штормов на озере. Им приходилось подолгу ждать погоды в ущерб коммерции. Бригадир Якоби должен был заняться организацией этой заставы и постройкой двух морских судов на Байкале. Впоследствии такая застава была создана, о чем Якоби и рапортовал в Сибирский приказ.

Занимаясь геодезическими исследованиями, улучшением экономического положения Нерчинского уезда в сельскохозяйственном и горнопромышленном отношении, выстраивая дружелюбные отношения с местными коренными народами, члены Нерчинской экспедиции неизбежно вступали в сложные международные отношения с китайскими властями, действие которых, к сожалению, в самом скором времени привели к преждевременной остановке экспедиционных исследований.

2.2. Дело перебежчика Шульгина

Требуется осветить еще один важный аспект межэтнических отношений в бассейне Верхнего Амура в середине XVIII в., который, с одной стороны, является лишь эпизодом частной жизни нерчинского жителя М.И. Шульгина, с другой — напрямую связан с международными отношениями России и Китая. В январе 1755 г. «из Цурухайтуйского форпосту от пограничных дел Якуцкого полку от капитана Федора Тарского» российским властям был передан перебежчик, бывший каторжник М. Шульгин. Своими действиями он оказал хотя и косвенное, но негативное влияние, приведшее не только к преждевременному закрытию Нерчинской экспедиции, но и в целом к обострению отношений России и Китая [Щербатов 1859: 33–34; О побеге... 1905: 49–50, 52; Артемьев 1996: 51–56].

Михаил Шульгин был обижен за свое бедственное положение в Нерчинске, нужду и необходимость добывать пропитание милостыней. Поэтому он решил сбежать в Китай, рассчитывая получить там награду и деньги за абсолютно не соответствовавшие действительности сведения о том, что руководитель Нерчинской секретной

Рис. 6. Китайский город Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян. Вид с набережной Благовещенска Амурской области РФ

экспедиции Ф.И. Соймонов с большими военными силами и артиллерией собирается напасть на китайский город Айгунь¹. В одном из исследовательских походов в верховьях Амура отряд Ф. Соймонова действительно был вооружен четырьмя чугунными пушками. Эти небольшие пушки были взяты с собой на всякий случай, в связи с указанными выше частыми набегами вооруженных людей на территорию России.

Китайская сторона уверила Шульгина, что Айгунь хорошо укрепленный и многонаселенный город. Последующие длительные перевозки Шульгина по нескольким китайским городам и населенным пунктам, допросы вполне могут служить основанием, что китайцы обратили на перебежчика пристальное внимание, приняли к сведению его информацию. Впоследствии она вполне могла негативно повлиять на результаты дипломатической миссии В.Ф. Братищева, отправившейся в 1757 г. в Пекин просить у китайских властей разрешение на плавание российских судов по Амуру.

В марте 1755 г. В. Мятлев послал в Сенат рапорт, в котором кратко осветил случай с перебежчиком М. Шульгиным [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 588–588 об.]. В указании Сената Коллегии иностранных дел в мае 1755 г. в седьмом пункте, в частности, говорилось о том, чтобы пойманного бежавшего на китайскую сторону в город Ангун каторжного М. Шульгина, который *«умысля собой ложные разглашения чинил»*, допросить и копию допроса прислать [Там же. Л. 628 об.].

Из допроса Шульгина выявились подробности о том, *«как он воровски приехал в Ангун и злоумыслил о Соймонове»*, о его кратком, но драматическом пребывании в Китае и возвращении в Россию, где он под пытками сознался в измене [О побеге... 1905: 49–50, 52; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 589–596, 616–616 об.].

Допрос происходил в Нерчинске:

«Присланной при промемории каторжннй Михайло Иванов Шульгин в Нерчинской воеводской канцелярии в судейской каморе на одине расспрашиван секретно».

¹ Ангунт, Ангун, Ангунь, Айгун — прежние названия современного китайского города Хэйхэ в провинции Хэйлуунцзян, находящего напротив российского города Благовещенск Амурской области. Расстояние между городами через Амур менее одного километра.

Выяснилось, что до побега Шульгин жил в Нерчинске в доме у бывшего каторжного иеромонаха Тихона Воронина. Когда в Нерчинск приехал руководитель Нерчинской экспедиции Ф. Соймонов, то Шульгин услышал *«через происходящую нароцкую молву, а от кого именно, того Шульгин точно не упомянет»*, что Ф. Соймонов намерен взять боем стоящий на Амуре китайский богатый город Ангун. И в августе 1754 г. *«в последних числах, а которого подлинного числа он не припомнит»*, Шульгин решил *«один сам собою, изменяя Российскому государству, <...> бежать в показанное Китайское государство, во объявленный город Ангун, для объявления в том городе командирам о слышанном намерении о взятии того города»*.

За свои сведения он рассчитывал получить деньги на дальнейшую беспечную жизнь. Шульгин, никого не предупреждая о своем плане, убежал из дома каторжного Воронина *«ночным временем, в небытность того Воронина в доме»*. У приютившего его товарища Шульгин украл шубу, рубаху, китайские штаны, чулки, бахилы, топор, три плата, три мотушки ниток, огниво и кремь, ножницы. Угнал на берегу р. Нерчи бат¹, *«а чей тот бат был, он, Шульгин, не знает»*, и поплыл вниз по Шилке. Пропитание Шульгин, по привычке, решил собирать милостынею в попутных деревнях: Епифанцевой, Заозерской, Фарковой, в Нижнем Сретенском остроге. В остроге Шульгин ночевал в доме у каторжного *«именем Сергей»*. Далее Шульгин просил милостыню в Черной заимке Нерчинского Успенского монастыря. Затем он доплыл до Горбиченской деревни, где три недели жил в доме разночинцев Тимофея и Козьмы Баженовых.

Братья Баженовы выслали Шульгина обратно в Нерчинск. Но Шульгин им не подчинился и поплыл вниз до устья р. Желтуги. Там он попросил рыбы и мяса у русских рыбаков и российских тунгусов и поплыл по Шилке, а затем и по Амуру вниз. На Амуре Шульгин просил милостыню не только у русских, но и на правом берегу Амура у китайских подданных, *«кочующих в юртах, по две и по три юрты»*. От р. Желтуги до г. Ангунь Шульгин плыл семь дней.

Китайцы встретили его неласково, сняли с него шубу и, закутав его голову, повели сначала в одну избу, потом в другую. Через толмача Шульгин рассказал китайским командирам, что он специально приплыл к ним из Нерчинска, чтобы предупредить,

¹ Бат — деревянная лодка.

что Ф. Соймонов с четырьмя полками и с пушками собирается напасть на Ангун летним временем в страду. Кроме того, Шульгин сказал, что за эти сведения он надеется получить награду и пропитание.

«И те командиры ему сказали, что, хотя у того господина Соймонова войска четыре полка, но у нас, де, более войска имеется, да к тому же и предосторожность можем учинить, да и как же тот Соймонов может взять наш город Ангун, ибо де он весьма многолюден».

Затем китайцы вывели Шульгина из избы и, положив на порог, стали бить по спине батожем, и один раз и спросили, говорит ли он правду или ложь о нападении на Ангун. Шульгин ответил, что говорит правду. Затем он жил в Ангуне три дня и в сопровождении одного человека свободно ходил по всему городу. От Амура город был защищен земляным валом высотой два аршина и шириной две сажени. Пушек на нем Шульгин не видел, зато ружей много. Возможно, Шульгин видел китайские оборонительные ружья, образцы которых есть в музее Дальневосточного государственного федерального университета во Владивостоке.

Восемь дней Шульгина везли в другой город, обнесенный стоячим тыном, там тоже через толмача спрашивали, правду ли он говорит, и на пороге били батожем уже два раза. В этом городе перебежчика держали две недели под караулом. Затем девять дней везли в другой город по степи, переночевали в нем и пять дней везли в четвертый город и семь дней везли в пятый. Из пятого города через неделю Шульгина привезли в Цурухайтуйский форпост и там отдали капитану Тарскому.

В Нерчинске Шульгина били плетью, он признался в измене, в том, что нарушил указы Е.И.В., но никаких сообщников не назвал.

В ноябре 1755 г. губернатор Сибири В. Мятлев отправил в Сенат рапорт о следственном деле перебежчика каторжника Шульгина [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 778 а. — 779 об.]. Дело производилось в Иркутской губернской канцелярии. По мнению иркутского вице-губернатора Вульфа, Шульгин за совершенный проступок и измену отечеству достоин смертной казни. В.А. Мятлев был солидарен в этом с Вульфом:

Рис. 7. Вертлюжная пушка. Китай, XVIII в.; Фитильные мушкеты. Китай XVIII–XIX вв.; Крепостные фитильные ружья. Китай XIX в. Музей Дальневосточного федерального университета. Фото автора

«Всепокорнейшее объявляю, что об учинении вышепомянутому каторжнику Шульгину за показанное по экстракту ложно вымышленное его изменническое разглашение по силе соборного уложения шестой и седьмой глав 3 и 20 пунктов также заключенного в 728 году 11 июня между российской империей и китайским государством мирного трактата, <...> смертной казни со мнением генерал-майора Вульфа останюсь и я согласен».

Но все же попросил Сенат принять окончательное решение. Сенат, рассмотрев это дело, издал указ *«об учинении жестокого наказания кнутом Шульгину, вырезать у него ноздри, на лбу и на щеках поставить знаки, а по неспособности его к заводской работе, содержать в Иркутской тюрьме под крепким караулом скована».*

Разъяснение о том, почему Шульгин оказался неспособным к работе на заводе, и некоторые подробности его биографии можно

получить из экстракта его следственного дела [Там же. Л. 780–780 об.]. Оказывается, прежде М. Шульгин был разночинцем в городе Селенгинске. В 1748 г. он пытался убить священника местной церкви и обокрасть ее. Но был пойман, наказан кнутом и сослан на каторгу на Нерчинские серебряные заводы. Однако у него ранее были обморожены и ампутированы стопы ног:

«За неимением у него от познобу у обоих ног лопастей, и что затем с нуждою ходит на коленях на привязанных деревяшках».

Поэтому от заводской работы в том же 1748 г. он был уволен и прислан в Нерчинскую воеводскую канцелярию, где и жил милостынею. Он был привезен из Китая на Цурухайтуевский форпост, подвержен допросу, битью плетью в Нерчинске и пыткам в Иркутске. По мнению Мятлева и Вульфа Шульгина надлежало повесить. Однако смертная казнь Шульгину была заменена *«учиненном ему кнутом с вырезанием ноздрей наказания и по постановлении знаков»* и содержанием в Иркутской тюрьме [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 507].

Мятлев в январе 1756 г. отправил в Сенат очередной рапорт с повтором подробностей следственного дела М. Шульгина. Этот документ важен, ибо в нем Мятлев дал указание бригадиру Якоби узнать, поверили ли китайские власти перебежчику Шульгину в том, что Ф. Соймонов собирается захватить Айгун [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 781–781 об., 782–784 об., 787]. К сожалению, Якоби не смог до конца выяснить этот важный вопрос:

«Доношу, не имеет ли китайская сторона о прибытии в Нерчинск господина Соймонова суждения и не почитает ли ложное разглашение каторжного Шулгина правдивым, да и подлинно ль оно было там им чинено, и не чинит ли против того каких предосторожностей, о том поньне ничего не разведано, и хотя к тому, якобы, следовали известия <...> о зборе близь Цурухайтуевского форпоста мунгалцов и что Дару Мейрен идет на российскую сторону со своею многолюдной командой».

Возможность того, что китайцы поверили Шульгину, не исключалась. Более того, такие опасения присутствовали даже в Сенате и Коллегии иностранных дел. Ибо В. Братищеву, отправленному

с дипломатической миссией в Китай в 1757 г., также была дана копия с допроса перебежчика М. Шульгина [Там же. Л. 868–868 об.]. Ее он должен был показать китайским властям, если бы они подняли вопрос о готовящемся якобы нападении Ф. Соймонова на Ангунь и на словах сказать о том, что Шульгин все это выдумал и за свою ложь наказан. В любом случае, эта информация вполне могла насторожить китайских чиновников, прекрасно осведомленных о беспокойной обстановке на российско-китайской границе.

2.3. Влияние китайских властей на деятельность Нерчинской экспедиции

В середине XVIII в. в Правительствующем Сенате часто решали сложные вопросы об отношениях с Китаем, о мунгальцах, самовольно переходящих границу и выходящих на российскую территорию [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 б. Л. 1].

Как уже было указано выше, разработка конкретного плана Нерчинской экспедиции была поручена новому губернатору Сибири, ген. лейтенанту В.А. Мятлеву. В 1753 г. Сенат одобрил его план по организации работы секретной экспедиции, но с учетом мнения Коллегии иностранных дел. Эта коллегия настояла на том, чтобы перед переговорами с Китаем о возможности прохода российских судов по Амуру, по реке, *«имеющей течение свое чрез иностранное владение и устьем своим в Восточное море не под областю Российской империи впадает»*, найти место для строительства двух весельных судов. Если от Китая будет получен положительный ответ, то при прохождении этих судов к Тихому океану нужно проводить гидрографические исследования для того, чтобы узнать, смогут ли по фарватеру Амура пройти военные корабли к тихоокеанскому побережью. Кроме того, нужно открывать места произрастания строевого леса, новые территории для дальнейшей их колонизации славянскими переселенцами [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 93–94, 102, 210; РГАДА. Ф. 248, Оп. 113, Д. 485; Оп. 113, Д. 485 а. Л. 58–59].

Одна из важных задач, данных Сенатом Мятлеву, заключалась в урегулировании пограничных вопросов с Китаем *«о высылке из российских границ мунгальцев, кои в здешнем подданстве быть желали»* [Сенатский архив. Т. 9. 1901: 104, 188–189, 385–386 и др.]. Мятлев должен был выяснить сложный вопрос о частых переходах

через российскую границу из Китая и обратно сотен семей монгольских кочевников с семьями, скотом и домашним скарбом и постараться мирным способом не пускать их на российскую территорию. Особенно большая группа таких преребежчиков ожидалась в 1755–1756 гг. в связи с военной агрессией цинов против Джунгарского ханства. Как отмечает Н.Н. Крадин, кочевники, не особенно нуждающиеся в собственном государстве, часто вынуждены мирным или военным путем обращаться к земледельцам для получения тканей, орудий труда, некоторых видов продуктов [Крадин 2001: 21–23, 28–30].

В инструкции Мятлева 1754 г. для Ф. Соймонова как руководителя Нерчинской экспедиции говорилось о необходимости заселения Нерчинского уезда регулярными казаками, которые смогут не только привести Нерчинский уезд в благосостояние, но и защитить российские границы [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 368–369]. Район Забайкалья, где проходила деятельность Нерчинской экспедиции, находился в центре острейших дипломатических отношений между Россией и Китаем.

Насколько сложными были российско-китайские отношения в середине XVIII в. и вместе с тем какой огромный интерес существовал к неизвестной во многих аспектах тогда соседней стране, можно понять из документов, связанных с некоторыми торговыми караванами, отправленными в Китай. Так, в ноябре и декабре 1753 г. в Сенате было принято решение отправить с казенным караваном в Китай геодезии поручика Е. Владыкина [Там же. Л. 102 а. — 104 об., 124–124 об.]. Он должен был собрать сведения о местных жителях от Кяхты до Пекина, *«чему при предпосылаемых караванах никакого осмотра и описания чинено не было»*. Во время следования каравана от российской границы до Пекина Владыкин должен был записывать все об облике встречаемых народов, их численность и особенности жилищ, систему питания, названия и систему рек, указывать на карте расстояние между поселениями. Особый пункт инструкции строго предписывал Владыкину, *«что его дела секретные и китайцы о них знать не должны»*. Факт того, что он офицер геодезии, Владыкин должен был скрывать не только от китайцев, но даже от русских членов каравана. По просьбе Владыкина в состав каравана включили еще двух геодезистов: Михаила Башмакова и Михаила Жукова.

О межэтнических связях Нерчинской экспедиции также можно узнать из уже неоднократно упоминавшегося доноса участника

секретного проекта, штурмана М.И. Татаринова на бывшего руководителя экспедиции, тайного советника и сибирского губернатора Ф.И. Соймонова [РГАДА. Ф. 248, Оп. 113. Д. 485 а. Л. 349–350; Д. 522].

В частности, Татаринов писал о том, что Соймонов халатно относился к оборонным вопросам на этом участке российско-китайской границы, самовольно впускал на территорию Нерчинского и других уездов «*мунгальских разбойников*». Анализ этого документа дает дополнительные сведения о проблемах российской колонизации Сибири, межэтнических и межгосударственных отношениях в середине XVIII в., а также о невиновности Ф.И. Соймонова, так как проблемы у русских первопроходцев с коренными народами и этносами соседних государств начались гораздо раньше прибытия Соймонова в Сибирь.

В первой трети XVIII в. с китайской стороны мунгальцы часто переходили в Российскую империю [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 886–888 об.]. Например, в 1730 г. вице-губернатор Болтин (по известию полковника Бухольца) писал в Сенат, что на российскую территорию перебежали на Онон реку 2095 юрт с женами и детьми, в том числе военных из них 2368 человек, с ружьями, скотом, лошадьми. Желательно всех выселить из Российской империи обратно. Однако эти мунгальцы жили в Российской империи еще в 1735 и 1736 гг. Мешало нормальному диалогу с ними то, что эти и другие мунгальцы перебежчики подчинены только своим «*владельцам, называемых тайшами, например, Кутухта, например, Очирой Сайн хан*». Потом на них напали контайшинские калмыки и мунгальцы стали подданными китайского императора.

В рукописях И.Г. Гмелина (1709–1755) и Г.Ф. Миллера, побывавших на Кольвано-Воскресенском заводе в августе 1734 г., имеются записи о том, что в 1720-х годах русские переселенцы и промышленники южной Сибири испытывали угрозы от казахов, которые часто угоняли скот с российской территории [Бородаев, Контев 2003: 41–45].

Сохранение добрососедских отношений российских властей с казахскими кочевниками в середине XVIII в. было необходимо, так как удержать огромный сибирский регион имевшимися в наличии у русских скромными военными силами было невозможно [Андрейчук 2011: 132, 138]. Поэтому проводилась вынужденная политика интеграции казахской элиты в российское общество. Для

этого активно использовалась международная торговля: казахи с удовольствием скупали российские и европейские товары и ткани, железные топоры, котлы и чайники, хлеб и украшения. Сибирский губернатор Ф.И. Соимонов пытался приучить казахов к сенокосению и занятию земледелием.

В связи с угрозой сибирским границам со стороны Джунгарского ханства в 1745 г. по указу Сената командование всеми регулярными и нерегулярными войсками на юге Сибири было передано в ведение командира Сибирского корпуса, который подчинялся непосредственно Военной коллегии. Но гарнизонные полки подчинялись губернатору Сибири [Андрейчук 2010: 10].

В октябре 1755 г. Военной коллегией и Правительствующим Сенатом было учтено мнение бригадира и Селенгинского коменданта В. Якоби (согласованное с сибирским губернатором В. Мятлевым) о необходимости содержания на китайской границе полного комплекта регулярного полка из трех батальонов и одной гренадерской роты:

«На китайской границе <...> всегда <...> заблаговременная предрасположенность быть должна, <...> достаточное число людей быть должно» [РГА ВМФ. Ф. 216. Оп.1. Д. 76. Л. 95; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 628 об.].

Известно, что Джунгарское ханство существовало с 1635 по 1759 г. и сыграло большую роль в международных отношениях в Азии, в межэтнических контактах с Россией и Китаем, ибо основное направление внешнеполитической деятельности джунгар заключалось в налаживании контактов с Россией [Златкин 1983: 3, 119, 120–121]. Россия также старалась избегать пограничных конфликтов в южной и западной Сибири. Один из главных вопросов в этих международных связях касался права сбора ясака с енисейских киргизов, тувинцев, барабинцев и других народов региона. Более ста лет до середины XVIII в. ясак с указанных народов собирали и Русское государство, и Джунгарское ханство: существовал так называемый институт двоеданничества и двоеподданства. В середине XVIII в. Россия не препятствовала сбору ясака ойратами даже с народов южной Сибири, уже находившихся в российском подданстве [Там же: 122–123, 284]. Между тем русские продолжали строить крепости по границе с Джунгарией.

Цинская династия Китая много лет вела войну с Джунгарским ханством и к 1755–1759 гг. маньчжуро-китайско-монгольское войско его разгромило. Русское государство, хотя и не хотело усиления Джунгарского ханства, не желало и его полного разгрома из-за опасения чрезмерного усиления Китая [Там же: 279, 282, 284, 291–293].

В 1755 г. против цинов-победителей выступил один из джунгарских ханов, хойтский князь Амурсана (1722–1757), который собрал небольшое войско из ойратов и мунгальцев [Там же: 293–297]. В 1756 г. вновь собранное огромное цинское войско (около 400 тыс. чел.) стало уничтожать ойратов. Несколько тысяч маньчжурских воинов перешли российскую границу, разыскивая Амурсану и других ойратских беженцев в районе Кольванского завода. Многие ойраты просили российские власти о подданстве. Сибирский губернатор Мятлев рапортовал в Санкт-Петербург о том, что разгром Джунгарского ханства обернется угрозой для России от Цинской империи. Опасаясь такого поворота событий и усиления Цинской империи, российские власти разрешили ойратским беженцам переходить на территорию России и поселяться в удобных местах [Там же: 293–297].

Штурман же Татаринов в своем известном доносе необоснованно обвинял Ф. Соймонова в выдаче такого разрешения. Российские власти, пораженные разгромом Джунгарского ханства, до конца XVIII в. опасались войны с Китаем, хотя и присоединили к своей территории некоторые земли в верховьях Иртыша, Катуня и Бии [Златкин 1983: 300, 301–303, 306; Потапов 1933: 16]. Освещая события вхождения алтайцев под названием «ойроты» в состав Джунгарского ханства, Л.П. Потапов четко различал алтайцев-тюрков и калмыков — «западных монголов».

После разгрома Джунгарского ханства главным источником международных проблем для России опять стали казахи, часто нападавшие с грабительской целью на российских подданных [Анисимова 2003: 54–62].

Россия старалась сделать так, чтобы Китай не включил территорию казахов под свою юрисдикцию. Сибирский губернатор В.А. Мятлев постоянно писал доношения в Сенат о нарастающей угрозе со стороны Китая. Российские власти торопились строить дополнительные крепости в южной Сибири для защиты от возможной военной агрессии со стороны Китая и старалась не пус-

кать вглубь своей территории грабителей-казахов, которые похищали лошадей, поджигали запасы фуража, травили своим скотом посевы.

Таким образом, даже краткий осмотр узловых моментов международной обстановки в Сибири в середине XVIII в. показывает, что участникам Нерчинской экспедиции не зря выдавались инструкции о секретном ходе работы по исследованию судоходности Амура, запрете разглашать истинные цели и задачи.

У Нерчинской экспедиции имелось еще одно направление, связанное с международными отношениями, расширением границ России, организацией исследований на северо-востоке. Как уже было указано выше, Ф.И. Соймонов критиковал результаты Второй Камчатской экспедиции, которая, по его мнению, истратила огромные финансовые средства из казны, но не принесла много научных открытий. В своих отчетах, репортах, в переписке с Г.Ф. Миллером Ф. Соймонов писал о том, что он больше приветствует изыскания купцов, а не морских офицеров [Миллер 2005: 119]. Купцы ради своей выгоды на своих же судах плавают в неизведанные земли, добывают огромное количество мехов, собирают ценные научные сведения, чертят географические карты [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 436–445 об.; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 268/2. Л. 50, 58, 58 об., 62–65, 68, 73–75, 76–77; Д. 268/3; Д. 268/3. Л. 22, 24–25, 28–29, 34; Д. 307/39]. Ф. Соймонов приводил для обоснования своих «купеческих» проектов достаточно веский аргумент: с купцами нет дипломатических проблем (как это случилось с Нерчинской экспедицией), ибо их морские вояжи частные.

В межкультурной коммуникации в сибирском регионе второй половины XVIII в. действовали две различные по своему характеру силы: славяне были проводниками государственной политики освоения новых земель и введения в подданство новых этносов, коренные народы отличались отсутствием государственного строя и защитой своих земель на основе обычного права родовой общины. Для некоторых народов приход славян означал либо ведение войны на два фронта (против переселенцев и против более сильных соседей), либо переход на сторону российских властей с обязательной выплатой дани — ясака. От первопроходцев к коренным народам переходили новые технологии и денежные отношения, огнестрельное оружие, городское зодчество, христианство и т.п. Со стороны

коренных народов в культуру пришельцев проникали механизмы адаптации к суровым условиям севера, традиционные способы промыслов. Препятствием межкультурного диалога того времени прежде всего являлся языковой барьер из-за вечного нежелания славян изучать местные языки и отсутствия возможности обучения русскому языку представителей коренных этносов.

В мае 1755 г. в Коллегию иностранных дел поступило указание из Правительствующего Сената о выполнении различных мероприятий, связанных с международными вопросами и деятельностью Нерчинской секретной экспедиции:

«1755 года мая 18 дня в собрании Правительствующего Сената, слушав присланных от ген. лейтенанта и сибирского губернатора Мятлева по порученной ему секретной комиссии представлений»
[РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 619–629].

Коллегия иностранных дел должна была подать в Сенат рапорт и осветить свои действия по поводу отправки запроса к китайским властям с просьбой разрешить российским судам свободное плавание по Амуру до его устья:

«Об учинении по-прежнему Правительствующего Сената определению о свободном проходе российских судов рекою Амуром у китайского двора домогательства».

Коллегия сообщила, что такой запрос будет обязательно послан *«при случае вознамеренной посылки в Пекин нарочного человека».*

В указании Сената Коллегии иностранных дел особенно подчеркивалось мнение В.А. Мятлева, который считал, что отправлять суда по Амуру без позволения китайцев *«представляет опасность».* И далее губернатор подробно привел основания этой опасности. Без указания центральных китайских органов местные власти по Амуру не будут пропускать российские суда. Члены Нерчинской экспедиции по этой же причине могут быть подвержены нападению китайских подданных на Амуре. Причем возможна не просто их остановка, а задержка до зимы, когда Амур покроется льдом и дальнейшее продвижение для исследований будет невозможным. Из-за нехватки продовольствия могли начаться голод и болезни, из-за чего *«из людей при супротивлении иные побиты».* Такое тяжелое по-

ложение могло привести, по мнению Мятлева, «к беспорядочному спасению или вовсе к отдаче на discreцию»¹, и вместо ожидаемой пользы от экспедиции может последовать немалый ущерб, а «за неимением по Амуру реке прохода о происходящих в сибирских местах трудностях, <...> и вместо ожидаемой пользы верноподанным народам одно только будет повреждение». Это «повреждение» связано с одной из главных задач Нерчинской экспедиции — организации снабжения продовольствием восточных окраин России, которое планировалось перевозить на судах по Амуру.

О высоких ценах на продовольствие на Камчатке капитан Лебедев докладывал Иркутскому вице-губернатору Вульффу, тот, в свою очередь, сообщил губернатору Мятлеву [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 619–629]. Так, в Большерецке ржаная мука зимой стоит пять рублей за пуд, а весной десять рублей и более, и даже такой дорогой муки на всех жителей не хватает. В Верхнем и Нижнем острогах мука еще дороже. Поэтому у Мятлева была большая надежда на развитие хлебопашества в Нерчинском уезде как наиболее подходящем сибирскому региону по климатическим условиям. Если будет выполнена просьба Коллегии иностранных дел и она добьется, чтобы «от китайского двора позволительным случаем Амуром рекою свободный проход российским судам открылся», нерчинский урожай можно будет по Амуру перевозить к Охотскому и Удскому острогам, «к протчим в отдаленных за Камчаткой по северо-восточному морю лежащим местам». И этот перевоз по Амуру станет более быстрым и дешевым, чем долгий путь к Тихому океану по суше до Якутска и «отдаленного от Якуцка сухого почти непроходимого пути». Если же «буде от китайского двора от того отказано», то цены на продовольствие на восточных окраинах России будут расти.

Кроме того, водный маршрут по Амуру оказал бы огромную помощь в переброске войск и военного оборудования на северо-восток. Например, из Иркутска сообщены подробности похода военной команды под руководством майора Шмалева, отправленной для успокоения «немирных и бунтующих и изменников чюкч и коряк». Отряд отправился из Иркутска в Якутск в феврале 1754 г.

¹ Дискреция — принятие решения должностным лицом или государственным органом по какому-либо вопросу по собственному усмотрению.

«И на всю Анадырскую партию намерен с собой взять провианта пять тысяч четвертей, в коих весом имеет быть 36 250 пуд, и на поклажу оного потребно сум сыромятных 7250 пар, на увязку и ремней по пяти сажень на пару 32 256 сажень».

Однако удалось купить всего тысячу пар готовых сум по 1 руб. 30 коп. В каждую суму собирались поместить два с половиной пуда муки, всего пять тысяч пудов, *«да прежде заготовлено Якуцкой канцелярией в сумам же 3375 пуд.»*. Больше количество сум найти не удавалось.

Для перевоза этого провианта от Якутска до Анадырского острога необходимо было 7250 лошадей, которые предполагалось взять от подданных ясачных и от обывателей. По представлениям Якутской канцелярии известно, что в таких походах, *«в отдаленные от Якуцка места <...> до половины лошадей не возвращается и несколько тысяч может от того и ныне пасть»*. Кроме того, значительно могли пострадать и коренные народы Сибири:

«И тако от перевозу сухим путем провианта <...> верноподданные народы, а паче ясашные от упадку лошадей подьемяют себе несносно преогорчительное отягощение и бедственное разорение, за которым в тамошние отдаленные места населением людей не только чтоб надежду полагать было можно, но и те сыздавна живущие от таковых бываемых им разорений мало-помалу могут придти в конечное содержание себя отчаяние и от последних своих домишков принудятся иногда странствовать по неизвестным местам».

В 1760-х годах подполковник Ф. Плениснер в рапорте губернатору Сибири Ф.И. Соймонову описал сходные чрезвычайно сложные и нередко трагические условия для перевозки грузов на северо-востоке России. Он указал на полное отсутствие дорог, абсолютную непригодность лошадей, привезенных из европейской части страны, для перевозки грузов в условиях тундры, ибо их там нечем кормить, враждебность части коренных народов Чукотки (чукчи, коряки) по отношению к переселенцам XVIII в., суровый арктический климат [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137. Л. 6–8, 11–13, 18, 27, 33–34 и др.].

Далее в указании Сената Коллегии иностранных дел [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 485 а. Л. 619–629] приводится очень смелое,

но дельное предложение В. Мятлева. Он предложил следующий вариант: если китайские власти откажут в просьбе Коллегии иностранных дел и не разрешат проход русским судам по Амуру, нужно объявить китайской стороне свое решение. В связи с высокими ценами на продовольствие на северо-востоке, большими трудностями по доставке туда грузов и провианта по дорогам Россия построит шесть военных 20-ти пушечных прамов¹, «да при том же месте, где для строения судов верфь учредится», и вооружит амуницией четыре батальона солдат для обеспечения безопасности «к плаванию по реке Амуру нашим судам». Эти действия могли послужить во «славу высочайшего всеавгустейшей нашей монархини имени в вечную пользу, и прибавлению на восток Всероссийской империи можно уповать».

Учитывая необходимость соблюдения дружбы с соседним Китаем, Коллегия иностранных дел должна была приложить максимум усилий для мирного получения разрешения «китайского двора о свободном Амуром проходе» российским судам. О результатах запроса Коллегия иностранных дел должна была сообщить в Сенат, который пошлет свое решение сибирскому губернатору Мятлеву, где будет разъяснено, что он должен делать «по оной порученной ему секретной комиссии». Например, об умножении края людьми.

Как указывалось выше, руководитель Нерчинской экспедиции Ф. Соймонов обобщил материалы обследований верховьев Амура, отчеты геодезистов 1754–1758 гг. в одном документе «*Экстракт, учиненный Федором Соймоновым из содержанных журналов и описей какой в порученном ему деле исполнить учинено, о чем обстоятельно и по пунктам значит ниже сего, а именно*» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 454–501]. Кроме геодезической и гидрологической информации в нем содержатся важные данные об этнокультурных и межэтнических проблемах [Там же. Л. 460, 464–467]. Например, в инструкциях видны четкие требования о соблюдении секретности при сборе информации о местных народах, проживающих на обоих берегах Амура. Необходимо было узнать их численность, являются ли они китайскими подданными или имеют собственное социальное устройство.

¹ Прам — плоскодонное судно, вооруженное пушками крупного калибра, применялось для бомбардировки крепостей, для морских и речных сражений [Военно-морской словарь 1989: 336].

Нерчинская экспедиция выяснила несоответствия линии границы на картах и в реальности:

«Граница хотя по печатной карте и показана нижнее устье Шилки и Аргуни чрез Амур реку по реке Амазару, однако она подлинно от устья Шилки вверх по оной до Горбицы и Горбицею до вершины ея».

С российской стороны на устье Горбицы содержится пограничный караул «в двадцати человеках тунгусах». С китайской стороны постоянный караул не обнаружен, но периодически из Ангуна приезжает небольшая команда для осмотра границы:

«Тот осмотр по виду только в том состоит, что приезжая к командиру на устье Горбицы прежнего году записку на дереве пишет, а вновь протесав, подпишет год, число и свое имя и с тем возвращаются».

Впрочем, это могло быть и военной хитростью, так как китайцы внимательно следили,

«нет ли по Амуру или по Шилке на стороне какого-то российского поселения, равным же образом и с другой стороны к Аргунской границе ежегодно приходят сухим путем к Сарухайскому форпосту, где променяют товары и покупя у российских жителей лодки, сплывают по Аргуни до устья его <...> и до Ангунта сплывают».

Отмечено было экспедицией и нарушение государственных договоров России с Китаем:

«Несмотря на трактат и запрет переходить границу, здесь все не так: русские промышленные, а паче живущие по Шилке с китайскими ясаиными людьми, которые живут около Амура по южную сторону, а на северный амурский берег приходят для промыслу».

Указывалось, что охотники на обоих берегах Амура жили дружно. Ходили не только охотиться, но и ловить красную рыбу на Амур,

до Албазина, «и далее без всякой от оных опасности и запрещения ходят, <...> некоторые и с женами на Амуре жили». Со слов этих промышленников, по Амuru есть много луговых мест и ровных берегов, годных к поселению, много сосновых и «лиственничных» лесов. Амур богат зверем и рыбой: осетром и калугой, «калуги некоторые до 30 пудов бывают». Соболя лучше всего промыслять по северной стороне Амyра, на р. Зеe и по впадающим в нее притокам. Интересно описание места бывшего Албазинского острога:

«Место, где был город Албазин на северной стороне Амyра, ровное, в длину по реке верст на шесть, а по берегу от реки до гор версты по две и по три, против этого места с южной стороны впадала река Албазиха, ходу от Шилки три или четыре дня, около двух сотен верст».

По северную сторону Амyра от устьев Шилки и Аргyни до р. Зеи, по данным тунгусов, народов никаких нет.

«Они незаподлинно знают, но слышали от их же тунгусов, что восточнее вершин зейских имеются кочевья оленных тунгусов, которые будто никуда ясак не платят, а на промысел приходят от южной стороны Амyра ясаиные тунгусы и другие народы, тоже и по южную сторону до реки Комары».

Штурман М. Татаринов обвинил Ф. Соймонова в том, что он плохо занимался строительством крепости вокруг Нерчинска [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 522. Л. 7 об.]. На это несправедливое обвинение Соймонов ответил, что во время его пребывания в Нерчинске, согласно полученным указам из Иркутской канцелярии, было заложено несколько болверков (бастионов), а один сооружен полностью. После отъезда Ф. Соймонова в 1757 г. из Нерчинска эти задачи стала решать Нерчинская воеводская канцелярия, к которой и нужно предъявлять претензии.

Кроме того, Татаринов обвинил Ф. Соймонова в том, что тот не выделял необходимое количество казаков для охраны российско-китайской границы для защиты от набегов «*мунгалских воров*» [Там же. Л. 7 об. — 8 об.]. По мнению Татаринова, в 1756 г. Нерчинская воеводская канцелярия потребовала письменно от Ф. Соймонова казаков, которые имелись в команде Нерчинской секретной

экспедиции для охраны границ, «и недопущения мунгальских воров». Но Соймонов этих казаков не дал, «отчего воспоследовало от мунгальских воров в российской стороне, как русским, так и тунгусам, кроме от грабежа тех воров разорение». После того как были созданы отряды казаков, тунгусов и казаков братских для борьбы с мунгалами, Соймонов, по словам Татаринова, стал «тех воров вызывать в российскую сторону», в результате чего произошла вооруженная стычка:

«Наши <...> вступили за ними в китайскую сторону, и несколько дней имели погоню, а потом выдержали и баталию».

Как всегда, Ф. Соймонов спокойно и обстоятельно ответил, что разбои «китайскими и мунгальскими ворами» происходили неоднократно. Такое нападение, из-за плохого исполнения своих обязанностей местным воеводой Губиным, произошло и в марте 1756 г. Захватчики угнали у тунгусов много верблюдов, лошадей, рогатого скота, овец. Лишь тогда Пограничная канцелярия поручила Ф. Соймонову заведовать пограничными делами и казаками. А до этого момента казаков в подчинении у Соймонова не было. Ошибка Губина заключалась в том, что его предупреждали о возможном нападении за десять недель, но воевода никаких мер не принял.

«А чтобы призывать воров в российское подданство, то было не мной выдуманно, но по указу из Пограничной канцелярии <...> переловить их».

Однако, справедливо подчеркивает Ф. Соймонов, об этих государственных проблемах «ему, Татаринову, знать не подлежало».

Между руководителем Нерчинской секретной экспедиции Ф. Соймоновым, Нерчинским горным начальством, Нерчинской воеводской канцелярией в 1756–1757 гг. происходила активная переписка, связанная с распоряжениями о строительстве рогаток¹, вооружении казаков и других мероприятиях для защиты от частых набегов «мунгальских воров», похищавших не только скот, но даже людей [РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 74. 1756–1757. Л. 1 а., 118, 190–193, 196–199, 225, 234–235 об.].

¹ Рогатка — специальное перекрытие дороги на заставе, границе, сделанное из заостренных кольев.

Нерчинская воеводская канцелярия неоднократно в августе 1756 и январе 1757 гг. присылала промемории в канцелярию Нерчинского горного начальства с просьбами прислать «для предосторожности от мунгальских людей набегов» казаков от 50 до 2000 чел., а также двух пушкарей.

В феврале 1757 года Нерчинская воеводская канцелярия, по сообщению Ф. Соймонова, занималась экипировкой 21 пешего казака: десятника Ивана Маркова, рядовых Ивана Судакова, Ивана Панова, Данилы Саватеева, Григорей Цветкова, Егора Бронникова, Ивана Красильникова, Сидора Бутакова, Ивана Сенотрусова, Ивана Кошкаророва, Лаврентия Зимина, Алексея Корнилова, Ивана Калинина, Ивана Сеницына, Самоила Кузнецова, Дмитрия Петрова, Степана Оглоблина, Андрея Бутакова, Левонтия Кошкарова, Федора Пеженского, Ивана Литвинцова. Канцелярия снабдила их порохом, пулями, свинцом, денежным содержанием, провиантом на два месяца и подводами для переезда к месту несения службы в Нерчинское горное начальство (248 верст). Продовольственное снабжение для нерчинских (местных) и иркутских (командированных) казаков отличалось объемом — «оные здешние жители и за хлебный оклад служат».

Таблица 13

**Вооружение восьми казаков для защиты от мунгальских воров
«по требованию одного господина Соймонова»**

1	Десятник Иван Марков	Порох 54 золотника	Пули свинцовые 18 шт.	Подводы для переезда
2	Казак Иван Судаков	54	18	
3	Казак Алексей Корнилов	54	18	
4	Казак Иван Попов	54	18	
5	Казак Иван Калинин	54	18	
6	Казак Даниил Саватеев	54	18	
7	Казак Иван Сеницын	54	18	
8	Казак Григорий Цветков	54	18	
	ИТОГО	4 ф. 48 золот.	144	4

Однако этих сил было явно недостаточно, ибо в ряде других документов того времени шла речь уже о двухстах казаках, двух пушкарях с пушками. В феврале 1757 г. Ф. Соймонов сообщил в Нерчинскую канцелярию о возможном нападении трехсот мунгальцев. Эти данные были получены от капитана Тарского, «обретающегося

на *Цурухайтуйском форпосте*», который узнал об этом от мунгальского перебежчика.

Таким образом, в феврале 1757 г. было отправлено от Нерчинской канцелярии в Нерчинское горное начальство *«для предписанной предосторожности от мунгальских набегов»* конных и пеших казаков — 21 чел., два пушкаря, (*«которые и поныне находятся в том начальстве»*). Нерчинская канцелярия сетовала на отсутствие необходимой бдительности Нерчинского горного начальства, которое не видело особой опасности от мунгальских «воровских людей». А сама же Нерчинская канцелярия испытывала в казаках крайнюю и необходимую нужду. Поэтому в июле 1757 г. просила канцелярию Нерчинского горного начальства отослать казаков обратно, если в них нет надобности и от мунгальских «воровских людей» нет опасности.

Из Сената в экспедицию о Нерчинских и прочих принадлежащих к ним серебряных заводах иркутскому вице-губернатору И. Вульффу в августе 1757 г. поступали указы о напряженной обстановке на российско-китайской границе и о двух случаях нападения мунгальцев. Нерчинское горное начальство, Иркутская провинциальная и Нерчинская воеводская канцелярии, бригадир В. Якоби, капитан Тарский с *Цурухайтуйского форпоста*, поручик П. Бегунов должны были *«изыскать пристойные места и учредить надлежащие защиты для охранения тамошних сереброплавящих заводов»*, продумать доставку вооружения и амуниции, артиллерийских и прочих припасов. Оценить реальную угрозу от мунгальских воров для российской границы, создать укрепления и караулы должен был губернатор В. Мятлев.

В августе 1756 г. в Коллегии иностранных дел и в Правительствующем Сенате обсуждался вопрос об отправлении советника В.Ф. Братищева к китайскому двору и о выдаче ему годового жалованья, подарков для китайских чиновников [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 823–825 об.; РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 111. Л. V, 122].

«При сем прилагается копия с высочайшего имянного Е.И.В. указа за подписанием собственные Е.И.В. руки данного оной коллегии 30 мая сего 1756 года, из которой Правительствующий Сенат усмотреть изволит, что для исправления объявленной в оном высочайшем имянном Е.И.В. указе комиссии велено отправить к китайскому двору советника канцелярии Василия Братищева».

На подарки Братищеву выдали пушнину, которая к вывозу за границу запрещена не была. Солдатам также дали жалование на год, проездные, мягкую рухлядь, чтобы они смогли обменять ее в Китае у китайцев на золото и серебро для своего употребления. Однако на деле продолжалась длительная переписка по поводу того, какое учреждение должно выдать все эти средства: Коллегия иностранных дел или Штатс-контора.

В ведомости Иркутской рентереи было указано количество и источник происхождения мехов, отправляемых с Братищевым в Китай [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 844].

Таблица 14

<i>Пушнина, собранная в Ангарских зимовьях с тунгусов на 1757 год в ясак</i>	<i>51 соболь. по ангарской цене на 209 р. 40 к.</i>	<i>По переоценке Иркутского купечества на 230 р.</i>
<i>Присланных в прошлом 1756 г. из канцелярии Охоцкого порта, собранных в Курильских морских островах ясашиного збору на 1755 год</i>	<i>Десять бобров камчатских морских по охоцкой цене на 200 р.</i>	<i>По переоценке здешних ценовщиков — на 270 р.</i>
<i>ИТОГО</i>	<i>По ангарским и охотским ценам на 409 р. 40 к.,</i>	<i>По иркуцкой переоценке на 500 р.</i>

В указе императрицы Елизаветы Коллегии иностранных дел 30 мая 1756 года об отправлении В. Братищева в Китай присутствовало два главных приоритета: возобновление дипломатических отношений с Китаем, обмен посольств и получение разрешения китайского двора на прохождение российских судов по реке Амур «с хлебом и другими припасами для гарнизонов в крепости и остроги по северо-восточным берегам, без чего и порученная генерал-поручику Мятлеву экспедиция в действо произведена быть не может» [Там же. Л. 826–827]. Следовало придать ему посланного из Селенгинска в 1753 г. в Пекин поручика И. Якоби, «яко сведующего о китайских обрядах», дать двух толмачей, трех солдат, жалования на год из Селенгинска и мягкой рухляди для обмена ее у китайцев на золото и серебро.

Однако Братищев посчитал данных ему толмачей «тупыми и вредными». Он решил, что они вряд смогут помочь в трудном деле переговоров с китайскими министрами, поэтому попросил заметить их на обретавшегося в Селенгинске переводчика Ефима Сахновского, который знал китайский и маньчжурский языки.

Н.Н. Бантыш-Каменский в своей работе о дипломатических российско-китайских отношениях в XVIII в. рассмотрел связь миссии В. Братищева в Китай с работой Нерчинской секретной экспедиции 1753–1765 гг. [Бантыш-Каменский 1882: 264–266, 276–278].

Императрица Елизавета Петровна долго выбирала кандидатуру посланника в Китай для организации взаимных посольств и получения разрешения китайских властей на проход российских судов по Амуру. В мае 1756 г. был сделан высочайший выбор в пользу Василия Братищева. В помощь ему были даны И. Якоби, знавший китайские обычаи, толмачи, солдаты и служащие, денежное жалование на весь период миссии.

В декабре 1756 г. Братищев получил подробную инструкцию из пятнадцати пунктов о различных проблемах межэтнических отношений России с Китаем, посольствах, необходимости российским ученикам изучать китайский язык. Просьба о проходе судов по Амуру стояла вторым пунктом, что показывает несомненную важность этого запроса. В инструкции подчеркивалось, что Россия и без разрешения Китая будет возить грузы на свои восточные окраины, так как нужда в снабжении русских острогов на тихоокеанском побережье огромная, а Амур — единственный путь для этого.

Братищев получил еще и дополнительную грамоту от Правительствующего Сената в китайский трибунал, где более подробно раскрывалась необходимость использовать Амур в качестве выгодной транспортной артерии и говорилось о том, что сибирскому губернатору давно дано задание строить суда для этого перевоза. Упомянулось в грамоте и об учениках китайскому языку [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 а. Л. 845–845 об., 846–849].

В июле 1757 г. Братищев вместе с И. Якоби, взяв переводчика Е. Сахновского, толмача Шарина и других сопровождающих, отправился из Селенгинска в Китай. В «*Экстракте из инструкции, данной из Коллегии иностранных дел советнику канцелярии Братищеву в 21 декабря 1756 году*» имеется важное указание, сделанное для усиления положительного результата его миссии. Он должен был говорить, что послан к китайскому трибуналу не от Иностранной колле-

гии, а от Правительствующего Сената, так как по трактату в Китай можно посылать делегации только из Сената. Секретность Нерчинской экспедиции Братищев должен был соблюдать и в Китае.

Из всех дел наиважнейшим для Братищева

«является добиться разрешения от китайского двора о свободном прохождении российским судам по Амуру и <...> далее морем, подле северо-восточных берегов, а какая в том необходимая нужда есть, сверх того, что в листе к трибуналу о том писано, а имянно: для экспедиции Камчатской, то усмотрите вы из приложенной при сем выписке, которая вам только для собственного вашего известия дается, а китайцам о той экспедиции отнюдь ничего упоминать вы не имеете. Сие нужнейшее дело паче других прилежнейшему старанию и попечению вашему поручается»
[Там же. Л. 862–868 об.].

Если китайцы согласятся, то тогда Братищев должен был взять у них указания для живущих по Амуру китайских подданных и их командиров, чтобы они не мешали проходу русских судов.

В Пекине Братищев находился с 26 сентября по 4 октября 1757 г., но вопрос о проходе судов по Амуру решить не смог. Возможно, эта неудача объясняется влиянием на богдыхана первого министра и фаворита Фугуна. Кроме того, В. Братищев не знал китайского языка и потому обращался к помощи иезуитов, которые, конечно же, ни в коем случае не желали помогать России и беспокоиться об усилении ее мощи в Восточной Азии.

По данным Бантыш-Каменского, китайцы сначала заявили, что решение о пропуске российских судов по Амуру к северо-восточным берегам «претрудное», но потом отказали окончательно. Богдыхан сказал:

«О, хитрая Россия! Просит с почтением, да притом же и объявляет, что уже для того ходу и суда приказано готовить».

Иезуиты сообщили главе Пекинской пятой духовной миссии (1755–1771) [Дацьшен 2007: 53] архимандриту Амвросию Юматову, что отказ китайцев связан с тем, что в Амуре обнаружено много жемчуга, и еще потому, что русские могут захватить Амур, как Албазин. Китайцы сослались на отсутствие соответствующей статьи

в Кяхтинском договоре 1727 г. между Россией и Китаем и твердо заявили, что никогда русские не будут провозить свой хлеб по Амуру [Беспрозванных 1983: 104–106; Бантыш-Каменский 1882: 277–278].

13 декабря 1757 г. советник канцелярии Василий Братищев выслал из Селенгинска доношение Правительствующему Сенату и Коллегии иностранных дел:

«Китайский двор на здешнее требование в даче свободного проходу российским судам по реке Амуру не склонился» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485 б. Л. 11, 13–18; Д. 485 а. Л. 885 а].

В выписке из листа китайского трибунала от 23 сентября 1757 г., в частности, было написано:

«У нас от веку того не бывало, что когда России дозволено было в какое-либо место провозить рекой Амуром хлеб свой, чего и ныне не по коему образу позволить не можно».

Таким образом, в 1758 г. был получен официальный запрет правительства Китая на судоходство русских кораблей по Амуру. В начале 1760-х годов китайская сторона стала ограничивать торговлю с Россией в районе Кяхты. Поэтому, чтобы не нагнетать международную обстановку, весной 1764 г. последовал указ Сената о переводе Нерчинской экспедиции в Иркутск, а через несколько месяцев (17 июня 1765 г.) ее действия были прекращены окончательно [Сгибнев 1870: 70–79; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485. Л. 1, 2–11, 13 а., 17, 21 об.; Андреев 1948: 52].

В течение нескольких лет в условиях непростых пограничных отношений с Китаем, с местными коренными народами Сибири члены Нерчинской экспедиции проводили запланированные изыскания, способствовавшие созданию корпуса ценных знаний о новых территориях и народах, создавали карты и этнодемографические описания. Благодаря мероприятиям Нерчинской экспедиции Россия показывала международной общественности свое активное присутствие в Восточной Азии.